

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

В. И. Кочнев. Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М., 1976, 367 с.

Проблемы этнического формирования населения Шри Ланка и особенности развития общественных отношений внутри отдельных этносов острова привлекали внимание ученых еще с прошлого века, и по этим вопросам имеется уже обширная литература. Однако труда обобщающего характера, в котором этническая история рассматривалась бы в тесной связи с социально-экономической, до последнего времени не было ни в советской, ни в зарубежной литературе. Между тем многие десятилетия плодотворной работы ученых разных стран мира закономерно поставили на повестку дня задачу создания монографии, которая подытожила бы результаты многочисленных исследований, посвященных отдельным аспектам этнического и этносоциального развития ланкийского народа. По-видимому, не случайно, что подобная задача была выполнена советским ученым В. И. Кочневым, который в послевоенные годы первым в нашей стране приступил к изучению этнографии острова Шри Ланка и долгое время оставался единственным представителем данного направления отечественного ланковедения.

В предыдущей монографии В. И. Кочнева «Население Цейлона» (М., 1965) были рассмотрены многие аспекты ланкийской этнографии, причем и эту первую книгу характеризовал исторический подход к рассматриваемым проблемам. В новой книге автор сосредоточил внимание на взаимодействии процессов этнического, политического, социального, культурного и экономического развития ланкийского общества, которые до этого не были предметом специального исследования.

Стремление автора охватить все важнейшие стороны ланкийской этнографии, подкрепленное глубоким знанием имеющихся по исследуемому им вопросам источников и научной литературы, оказалось весьма результативным и позволило ему создать научные труды обобщающего характера, которые, несомненно, окажут значительную помощь в дальнейшем изучении Шри Ланка.

Новая книга В. И. Кочнева состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении автор аргументированно обосновывает необходимость исследования проблем этнического и социального развития Шри Ланка, поскольку в прошлом заключается один из ключей к пониманию особенностей сложившихся к настоящему времени общественных отношений в этой стране, включая национальный вопрос. Здесь же содержится критический обзор литературы по рассматриваемой в монографии проблематике и подчеркивается значение трудов основоположников марксизма-ленинизма для изучения исторического прошлого ланкийского народа.

В главе I характеризуются основные этапы этнической, политической, социальной, культурной и экономической истории острова Шри Ланка с древнейших времен до начала XX в.

Исходя из данных археологии, антропологии и этнографии, В. И. Кочнев разделяет мнение тех ученых, которые автохтонными жителями Шри Ланка считают веддов — представителей веддоидной расы, входящей в экваториальную (австралоидную) большую расу (стр. 14—16). Что же касается этносов, поселившихся на острове после веддов, то автор признает аргументированное мнение С. Ф. де Сильвы, Н. Д. Виджесекеры и А. Дженнингса, которые полагают, что отдельные дравидские поселения возникли на острове еще до прибытия сюда первых индоарийцев — сингалов (стр. 16, 17). В то же время автор полемизирует с ланкийским ученым Г. Мендисом, утверждающим, что сингалы, хотя и говорили на одном из индоевропейских языков, в действительности не являлись индоарийским народом. К подобному заключению Г. Мендис пришел на основании того, что названия сингалских племен, вторгнувшихся на остров, носили тотемический характер, а это, по его мнению, было чуждо арийским племенам, но зато встречалось у народов Южной Индии. Ссылаясь на труды А. М. Осипова, доказавшего, что многие индоарийские племена и роды носили тотемные названия, и исходя из данных не только сравнительной лингвистики, но и антропологии, В. И. Кочнев отвергает подобное утверждение Г. Мендиса как необоснованное (стр. 18, 19).

Интересна, на наш взгляд, гипотеза В. И. Кочнева о том, что различные борющиеся между собой племена, упоминаемые в древнесингалской хронике «Махавамса», могли принадлежать не к собственно сингалам, а к двум этносам — к более ранним пришельцам — дравидам и индоарийцам — сингалам, которые, одержав победу, «ассимилировали дравидов и постепенно дали название как самому народу и языку, так и всему острову». По мнению автора, «такая возможность не исключена», поскольку даже значительно позже «целые дравидоязычные группы органически входили в сингалскую социальную структуру» (стр. 19). Однако основное влияние на этногенез сингалов на первом этапе, по мнению автора, оказали ведды (стр. 19—21), что не

исключает последующей ассимиляции сингалами новых групп дравидов, главным образом тамиллов, а также малайцев и представителей некоторых других этносов (стр. 23, 24—26). Таким образом, по справедливому замечанию В. И. Кочнева, «в формировании сингальской народности принимали участие многие этнические компоненты» (стр. 20).

Автор подробно останавливается на воздействии португальских и голландских колонизаторов, господствовавших на острове с начала XVI до конца XVIII в., на традиционную социальную организацию сингальского общества и этнообразующие процессы. Под влиянием христианства произошло некоторое ослабление кастовых барьеров, а также сокращение числа матрилокальных и полиандрических браков (стр. 59). Этот период знаменуется также частичным ассимилированием сингалами португальцев и голландцев, т. е. очередным этапом этногенеза сингалов, особенно живущих в прибрежной зоне, и появлением новой этнической группы так называемых бюргеров — потомков от смешанных браков между португальцами и голландцами, с одной стороны, и сингалками и тамилками — с другой. Кроме того, самостоятельную этническую группу образовали и насильственно ввезенные голландцами на остров малайцы.

Важным изменением в национальной структуре ланкийского населения, происшедшим в период английского господства, явилось появление на острове индийских тамиллов, которые прибывали сюда в основном для работы на плантациях. Еще одну этническую группу образовали несколько тысяч евразийцев — потомков от смешанных браков англичан с ланкийками.

Характеризуя процессы этнического формирования населения Шри Ланка, автор не забывает и о тесно связанных с ними особенностях политической, экономической и культурной истории ланкийского народа. Творчески подойдя к изучению имеющихся материалов по этим вопросам, В. И. Кочнев сделал некоторые, на наш взгляд довольно важные, выводы и обобщения. Например, вполне обоснованным выглядит его утверждение о том, что Кандийское государство, сохранявшее независимость вплоть до 1815 г., являлось «сильно централизованной деспотией с очень развитым бюрократическим аппаратом и своеобразной системой вассалитета» (стр. 80). Подобное определение характера государственной власти в Канди ранее никогда не давалось ни в советской, ни в зарубежной литературе. Впервые в нашей научной литературе подробное освещение получило развитие аграрных отношений в древних и средневековых государствах Шри Ланка. Приводимый в книге фактический материал позволяет сделать вывод о том, что антианглийские выступления на острове начались сразу же после высадки туда английских колонизаторов, и, таким образом, эта страна никогда не была, как то утверждали апологеты английского колониализма, «спокойной» колонией.

Глава II посвящена анализу эволюции общественных и семейных отношений. Автор подробно рассматривает особенности сельской общины и ее место в общей системе социальных отношений сингалов и тамиллов. Хотя в силу сходства социально-экономических отношений и экологических условий развитие сингальской сельской общины на острове в целом шло тем же путем, что и в Индии, она все же имеет отличия. Важнейшей особенностью сингальской сельской общины, называемой в книге «водоземельной» (стр. 147), автор справедливо считает отсутствие столь характерного для классической сельской общины Индии «органического и стройного взаимодействия земледелия и ремесла» (стр. 148). Ремесленники и «обслуживающие касты» — прачки, барабанщики, тандоры — жили в своих собственных деревнях, и их главным занятием, как и у собственно земледельческой касты, являлось, как правило, земледелие. Зачастую ремесло фактически даже не отделялось от земледелия, что объясняется, как показывает автор, специфическими особенностями социально-экономического развития сингальских государств.

Тамильская сельская община, встречающаяся на севере острова, более консервативна, чем сингальская, и напоминает во многом южноиндийскую. Автор выделяет три типа тамильских сельских общин, представленных следующими тремя типами деревень: состоящей из одной эндогамной кастовой группы, из нескольких эндогамных групп, принадлежащих к одной касте, и из нескольких каст, в каждой из которых несколько эндогамных групп (стр. 170—172).

Характеризуя кастовую систему в Шри Ланка, которая, как и в Индии, оказалась «наиболее устойчивым пережитком древних общественных отношений» (стр. 182), автор отмечает, что хотя касты уже перестали предопределять профессиональное занятие сингала или тамила, эндогамия, подчинение решениям кастовой администрации и система кастовых услуг сохранились в этой стране до сих пор (стр. 182). Подробно рассматриваются происхождение кастовой системы у сингалов, возникновение (или появление) в Шри Ланка отдельных каст и место кастовой системы в социально-экономической структуре древних и средневековых государств. Автор останавливается и на различиях в кастовых системах сингалов и тамиллов. В частности, он отмечает отсутствие у сингалов касты жрецов-брахманов (стр. 184, 194) и сравнительную слабость межкастовых перегородок у этого народа по сравнению с ланкийскими тамилами (стр. 186). Рассматривая особенности кастовой системы ланкийских тамиллов, В. И. Кочнев обратил внимание на следующий интересный факт: хотя в отношении «чистоты» каста брахманов стоит выше, чем каста земледельцев — веллала, в социаль-

ном и гражданском смысле самая высокая каста не брахманы, а земледельцы (стр. 213). У проживающих в сельской местности ланкийских тамиллов все еще, хотя и в ослабленной форме, сохранилась древняя феодальная система кастовых услуг «джаджмани» (стр. 220). Однако главным типом экономических связей между земледельческой кастой веллала и ремесленниками являются все же товарно-денежные отношения (стр. 221), что свидетельствует о глубоких изменениях в социально-экономической жизни этого народа. Кастовая система проживающих на острове индийских тамиллов в целом сходна с южноиндийской (стр. 223).

Большое внимание уделено автором рассмотрению семьи как формы социальной организации. В работе отмечается, что «при заключении брачных союзов» сингалами «учитываются два основных момента: кастовая принадлежность и материальное положение. Таким образом, преобладают браки по расчету» (стр. 229). Многообразие форм браков, встречавшихся или сохраняющихся до сих пор у сингалов, автор выводит из специфики экономических отношений, обусловленных, в частности, особенностями природных факторов. Так, например, распространенные среди сингалов кросскузенные браки призваны устранить происходящее вследствие билатеральной системы наследования дробление земельной собственности (стр. 156—158). Сохранению в Шри Ланка до недавнего времени полиандрии автор также находит экономическое объяснение: стремление объединить земельную собственность мужей, введение второго мужа в семью в качестве рабочей силы и существование системы государственных отработок — раджакари, в соответствии с которой мужчинам приходилось надолго отлучаться из дома (стр. 253—256). Но не абсолютизируя значения экономических факторов в развитии системы брачных отношений, В. И. Кочнев соглашается с мнением Ю. И. Журавлева о том, что объяснение сохранения полиандрии только экономическими причинами недостаточно. Для выявления закономерностей живучести полиандрии необходимо, считает В. И. Кочнев, изучать не только специфику экономических отношений, но и культурно-исторические и культурно-бытовые традиции сингальского народа (стр. 256).

Возникновение эндогамных групп внутри одной касты автор относит к тому времени, когда «каждая сельская община, зависевшая от одного водоема, тщательно охраняла свои права на танк и орошаемые земли» (стр. 156), и эндогамия была призвана содействовать этому.

В качестве одного из показателей особенностей сингальской семьи автор характеризует положение в ней женщины. Хотя оно определяется социальной, кастовой и религиозной принадлежностью женщины (стр. 227), а главой семьи считается мужчина, сингальская женщина, как правило, пользуется большими правами, чем ланкийские тамилки и представительницы многих других народов Южной Азии. У сингалов отсутствуют обычаи затворничества женщин и запрет вторичных браков при вдовстве (стр. 228).

Семейно-брачные отношения у ланкийских тамиллов значительно отличаются от сингальских, но сходны с существующими у тамиллов Индии (стр. 264). Рассматриваются в книге и семейные отношения веддов (стр. 271).

В главе III анализируются народные и религиозные верования и их роль в социальной жизни ланкийского населения. Несмотря на то, что, по данным переписи 1971 г., 67% населения Шри Ланка буддисты, 17% — индуисты, 8% — христиане, 7% — мусульмане и 1% — последователи других религий (стр. 272), до сих пор значительная часть ланкийцев придерживается сосуществующих с развитыми религиями древних народных верований. Они признают злых и добрых духов и богов-хранителей, и в их сознании прослеживаются пережиточные формы тотемизма, фетишизма и анимизма (стр. 275—277). Приводимые автором примеры убедительно свидетельствуют о наличии общих черт в народных верованиях сингалов, тамиллов и веддов (стр. 287—289).

Рассмотрев историю развития буддизма на острове, экономическую роль буддийской сангхи, особенности отдельных буддийских школ и сект, В. И. Кочнев отмечает, что «как ни велика роль буддизма в развитии сингальской культуры, главным являлось то, что под его знаменем сингальские цари объединяли разобщенные области острова, укрепляли свою власть и боролись против иноземных захватчиков» (стр. 292). Автор подчеркивает огромное влияние, которое до сих пор оказывает буддизм на сингалов.

В книге характеризуются также особенности развития индуизма в Шри Ланка. Большинство ланкийских и проживающих здесь индийских тамиллов исповедует индуизм шиваистского толка. Хотя в целом шиванизм тамиллов острова Шри Ланка мало отличается от шиванизма тамиллов индийского штата Тамилнаду, тем не менее он имеет свою специфику. Например, в Шри Ланка в отличие от Южной Индии почти не представлены секты лингантов и шактиев (стр. 325). Кроме того, среди ланкийских тамиллов Ганеша и Сканды — сыновья Шивы и Парвати — более популярны, чем их родители (стр. 326).

Поскольку буддизм и индуизм сосуществуют в Шри Ланка в течение многих веков, автор закономерно ставит вопрос об их взаимовлиянии и делает вывод о том, «что влияние буддизма на индуистов незаметно». Воздействие же «индуизма на буддистов проявляется в столь своеобразной форме, что можно говорить лишь о признании буддистами некоторых богов индуистского пантеона». И автор дает следующую

щее объяснение этому явлению: «Сложное буддийское этическое-моральное учение совершенно чуждо взглядам основной массы верующих индуистов. Боги же индуистского пантеона генетически связаны с древними добуддийскими богами, каждый из которых наделен какими-то конкретными чертами, а поэтому более понятен простому верующему человеку» (стр. 337).

В Заключении дается краткий анализ межэтнических отношений в Республике Шри Ланка, критикуются попытки реакционных сил разжечь сингало-тамилскую рознь.

Монография автора рассматривает широкий круг вопросов. Ее, как и другие работы В. И. Кочнева, характеризует глубокое понимание анализируемых им явлений, которые берутся в их диалектически сложном, неразрывном взаимодействии. Подобный подход автора к анализу явлений общественной жизни обуславливает подлинно научное осмысление исследуемых им проблем. Возможность такого подхода проистекает из тщательного изучения автором огромного фактического материала, содержащегося в многочисленных проработанных им источниках, значительная часть которых впервые вводится им в оборот в советской научной литературе.

Естественно, в работе, столь широкой по охвату вопросов, не все затрагиваемые в ней проблемы могли быть разобраны подробно. Но хорошее знание изучаемого автором предмета позволило ему в целях экономии места ограничиться в ряде случаев аргументированными обобщениями, базирующимися на результатах предшествующих исследований, проведенных как самим автором, так и другими учеными.

Новая книга В. И. Кочнева является, по нашему мнению, ценным вкладом в изучение этнической, социальной и духовной истории населения Шри Ланка и, будучи своего рода обобщением работ как самого автора, так и других исследователей, может служить показателем того высокого уровня, которого достигло в своем развитии ланковедение.

Но давая столь высокую оценку рецензируемой нами работе, мы в то же время считаем своим долгом подчеркнуть, что она, несмотря на все ее достоинства, никоим образом не может считаться «полным» освещением всех проблем этнической или этносоциальной истории Шри Ланка. Например, ограниченность объема монографии не позволила автору остановиться на некоторых загадочных, давно уже исчезнувших и ныне известных только из фольклора гипотетических этносах (в том числе племени нитаево) или шире привлечь для сравнения материал по другим странам, что дало бы ему возможность сделать более широкие обобщения.

Однако все это отмечается нами не в укор автору, от которого никто не вправе требовать невозможного — охватить в одной работе все без исключения явления этнического и этносоциального развития Шри Ланка и к тому же в сравнении с аналогичными или сходными явлениями в других странах, но лишь затем, чтобы подчеркнуть, какую огромную и перспективную сферу исследований представляет собой этнография Республики Шри Ланка, которой до сих пор в нашей стране занимаются, к сожалению, лишь немногие ученые.

Ю. Н. Маслов